

Шарль Жюд, директор Балета Бордо:

Нуреев был гораздо больше, чем танцовщик

Известия — 2003 — 16 окт. — 113

Гала-концерт звезд мирового балета в Кремле стал в Москве единственным событием, посвященным памяти Рудольфа Нуреева, в то время как весь мир еще с начала года широко отметил две нуреевские даты — 65 лет со дня рождения и 10 лет со дня смерти. Один из самых близких Нурееву людей — звезда «Гранд-опера» и ныне директор Балета Бордо Шарль Жюд ответил на вопросы корреспондента «Известий» Лейлы Гучмазовой.

— Вы принадлежите к людям, которым Нуреев, будучи художественным руководителем «Гранд-опера», не только доверял ведущие партии, но и которых привлекал к гастролям собственной труппы «Нуреев и друзья»...

— ...Он тогда увлекался современной хореографией и дал мне роли в «Ореоле» Пола Тейлора и «Аполлоне» Баланчина.

— Но ведь главное, что сделал Нуреев за время своего правления, — это восстановил в «Гранд-опера» сдавшую было позиции классику?

— Да, причем с самых первых шагов. Он восстановил практически весь классический репертуар, который узнал в Кировском театре. В танце он был одержим, особенно в той хореографии, которую создавал сам, и требовал, чтобы артисты не меняли в тексте ни крупинки. Танцовщики при нем очень прогрессировали, особенно мужской танец. Конечно — ведь он пришел с русской школой и уже хорошо знал мировой балет. И потом, он полностью принадлежал танцу.

— Говорят, он был жестким.

— Даже грубым. Но не с теми, кого любил, а с теми, с кем работал, и к танцовщикам он все-таки был внимателен. Говоря откровенно, он был жесток со своими артистами так же, как и я сейчас, руководя Балетом Бордо.

— На российского зрителя обрушился поток текстов о Нурееве, написанных литературными. Интересно увидеть его без прикрас и домыслов, даже внешне: как он одевался, как двигался вне сцены и официальных встреч?

— Ну, вы наверняка знаете: вязаная шапочка глубоко натянута, черное пальто в пол, громадные туфли на толстой подошве. Очень любил тыкать пальцем, таким вот жестом (Жюд изображает «перст указующий», очень по-русски) и говорил всем «ты!!!». Он такой ходил всегда — скрюченный, шаркая, плечи вниз, но как только кто-нибудь его узнавал: «О, Нуреев!» — сразу же весь как будто вырастал и распрямлялся, начинал сиять.

— С артистами он тоже общался в указующем стиле?

— Всегда. Говорил: «сделать так», «взглянуть так». А магнитофон, например, называл «сумка с катушками».

— Вы помните, когда впервые его увидели?

— О! Я же был мальчишкой, учеником балетной школы в Ницце, а Нуреев тогда танцевал с Марго Фонтейн. Такое не забудешь. Он пришел на школьную репетицию, посмотрел на меня и сказал, что я буду хорошим артистом. Кажется, тогда я по-настоящему полюбил танцевать. А через два года узнал меня уже в кордебалете «Гранд-

опера», когда я выдержал туда конкурс. Это было в 1973 году, он тогда танцевал «Лебединое озеро» с Натальей Макаровой.

— Конечно, вы не ожидали, что он вас узнает?

— Еще бы. Он стал для меня намного больше, чем великий танцовщик; он был почти отцом. У нас было что-то общее. Мне не надо было говорить с ним, достаточно было посмотреть в глаза. Оттого, что я знал его достаточно близко, не было нужды говорить, как большому количеству людей, для коммуникации.

— Это правда, что он на репетициях ругался по-русски?

— Обычно — «п...да». Или еще — «ж...». Ему так нравилось. Когда злился на артистов, называл их «Иванович»: «ты — Николай Иванович». Он сам никогда не давал себе спуска и терпеть не мог, когда кто-нибудь ленился. Даже роль отдавал не тому, кто способнее, а тому, кто больше трудится, приговаривал: «Если ты работаешь, то ус-

пех обязательно придет». Он заставлял молодых пахать.

— Вам теперь пригодился его опыт руководителя?

— Всегда, когда я говорю с танцовщиками, слышу голос Рудольфа. Я знаю почему. Он говорил: чтобы сделать карьеру долгой, надо быстрее двигать молодых. Но танцовщики не сразу понимают, что ты им даешь: они слишком юные. А Рудольф был очень экспрессивным, и, если кто-то этого не понимал, доходил до бешенства. Он требовал, чтобы тело не было пустым.

— Правда, что к нему на класс просились известные люди?

— Ну, большим другом Рудольфа был Бернштейн. Когда он приезжал в Париж, то неизменно становился к балетному станку. Вообще Рудольф знал всех-всех, вокруг него всегда были звезды, не важно — политики, искусства. Где бы он ни очутился, его тут же знали все: ведь он был гораздо больше, чем танцовщик.

СПРАВКА «ИЗВЕСТИЙ»

Шарль Жюд окончил консерваторию в Ницце, из кордебалета «Гранд-опера» выдвинут Нуреевым на главные партии в балетах классического репертуара — «Жизель», «Спящая красавица», «Щелкунчик», танцевал в двух версиях «Послеполуденного отдыха фавна» в хореографии Нижинского и Роббинса. На высшее звание «Этуаль» был номинирован после роли в «Иване Грозном» Юрия Григоровича. Помимо «высокой» классики танцевал балеты «Русских сезонов» и Баланчина — «Аполлон», «Блудный сын», «Серенада», «Хрустальный дворец»; «Болеро» Бежара, хореографию Леонида Мясина, Хосе Лимона, Джона Ноймайера, Иржи Килиана. С сентября 1996 года — директор Балета Бордо. Последняя премьера Шарля Жюда — собственное прочтение «Лебединого озера». Кавалер Ордена искусств и литературы и ордена Почетного легиона. С Нуреевым Шарля Жюда связывали очень теплые отношения. Двенадцать лет — с 1980 по 1992-й — он регулярно гастролировал с труппой «Нуреев и друзья». На Гала-концерте вместе с артистами Балета Бордо исполнит «Павану мавра».